

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Г. В. ШПАК

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ И КОГНИТИВНО-РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ТРАВЕЛОГОВ Г. Ф. МИЛЛЕРА

В статье на примере травелогов Г.Ф. Миллера рассматриваются особенности репрезентации пространственно-временных категорий во второй половине XVIII в. Путем сравнения текстов Г.Ф. Миллера и Н.М. Карамзина удастся выявить различия, говорящие о смене рецептивной парадигмы в России конца XVIII столетия.

Ключевые слова: *травелог, репрезентация пространства и времени, Г.Ф. Миллер*

Г.Ф. Миллер оставил достаточно большой комплекс произведений различной тематики, но мы остановимся только на травелогах или, как он сам их называет, «путевых примечаниях» или «описаниях путешествий».

К XVIII в. в Европе травелог становится общепризнанным жанром. Путешественник мог неплохо заработать на издании книг своих странствий. Одним из таких путешественников был Джон Тайлор (1578–1653). Он решил не только самостоятельно совершить путешествие по Англии, но и оплачивать его за счет будущей книги. Тайлор отправлял друзьям счета (их в итоге накопилось, по его словам, до трех тысяч), обещая подробный отчет по возвращении. Тайлор пишет:

This long walke (first and last) I undertooke
On purpose to get money by my Booke:
My friends (I know) will pay me for my paine,
And I will never trouble them againe¹.

Сей долгий путь предпринял я не зря
На книгу раскошелятся друзья:
Оплатят труд скитаний не простых,
И боле я не потревожу их.

В России вплоть до последней трети XVIII века путешественник, решивший зафиксировать свои впечатления, не мог руководствоваться только меркантильными интересами. Само путешествие было делом затратным ввиду отсутствия надежных карт, что, в числе прочего, вынуждало путешественника оплачивать услуги проводников. Травелогии большей части XVIII века, если и составлялись, то представляли собой документальные отчеты о проделанном путешествии и были адресованы инстанции, снарядившей путешественника. Наибольшее число таких текстов было составлено за время академических экспедиций.

Экспедиционные травелоги Миллера едины по своему плану и составлены в соответствии с академическими инструкциями. В инструк-

¹ Tylor 1649. P. 3.

ции «Об истории народов»², данной Миллеру перед экспедицией 1733–1743 гг., указывается, какие явления следует зафиксировать в первую очередь, что описать, какие находки отправить в Санкт-Петербург. Посмотрим на одиннадцатый пункт: «А особливо рассматривать надобно начала, нравы, обычаи и прочее тех народов, кои живут на северной стороне реки Амура, потому что слух носится, что и российский народ имел там древние свои жилища». История, а точнее, *слух о прошлом* выступает здесь как исследовательский фильтр, указывающий на пространство, которое нужно подвергнуть изучению. Подобную связь времени и пространства мы встретим и в поздних травелогах Миллера. Ближе всего к травелогу можно отнести миллеровские «описания путешествий». Они представляют из себя подневные отчеты о проделанном пути с описанием географических объектов и некоторых черт местных народов. В текстах фиксируются стороны жизни, рекомендованные к наблюдению академической инструкцией. Сами травелоги предельно схематичны. Мы не встретим в них ничего, что приблизило бы нас к пониманию личного восприятия автора. Образы пространства даются непосредственно, т.е. приводимые сведения получены эмпирически, что характерно для механистической научной парадигмы.

Мы не будем здесь подробно рассматривать «Путевые описания Сибири», а сосредоточимся на более поздних травелогах. Перед нами книга, изданная в 1996 г., в которой опубликованы путешествия Г.Ф. Миллера по Москве и Московской провинции в 1778–1779 г., а также описания, составленные за время путешествий и по собранным в них материалам. Эти тексты, хотя и несут черты, присущие ранним травелогам Миллера, имеют ряд важных особенностей. Здесь мы сталкиваемся с автором-путешественником, который помимо привычной фиксации деталей пространства и времени высказывает свое персональное отношение к увиденному. Во многом именно из-за этого московские травелоги Миллера нельзя однозначно отнести к описаниям, составленным строго по инструкции. С.С. Илизаров утверждает, что «путевые описания, которые вел ученый во время маршрута, и подготовленные на их основе для публикации все четыре очерка, не соответствуют полностью ни одной научной программе или инструкции, которые во множестве известны в XVIII столетии, и среди которых, кстати говоря, немало принадлежит перу самого Г.Ф. Миллера»³.

Выходит, что та модель фиксации пространства, которую избрал Г.Ф. Миллер в московских поездках, еще не являлась традиционной. В ходе путешествия он составил четыре путевых очерка-травелога, а также ряд описаний и обзоров. Характерно, что стили этих произведе-

² Миллер 1937. Т. I. С. 460–461.

³ Миллер 1996. С. 24.

ний весьма различны. Описания и обзоры представляют собой скорее энциклопедические статьи, в которых сухим наукообразным языком, приводятся географические, исторические, экономические характеристики посещенных мест. Травелоги же больше похожи на дневниковые заметки, в которых автор фиксирует свое эмоциональное и физическое состояние, описывает свои впечатления в свободной форме.

За время путешествий по окрестностям Москвы было составлено четыре травелога: «Езда в Коломну в 1778 году», «Поездка к Свято-троицкому Сергиеву монастырю, в Александрову слободу и Переславль Залесский», «Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород», «Поездка в Дмитров». В отличие от описаний, травелоги, за исключением поездки в Дмитров, публиковались ранее на русском языке в журнале «Новые ежемесячные сочинения»⁴.

Путешествие в России XVIII в. по-прежнему является делом затратным и достаточно опасным. Генеральные ландкарты содержат ошибки, на что сетует Миллер. Однако уже учитывается, что путешествие может иметь и оздоровительную цель. Так Миллер пишет, что отправился в путь «для поправления здоровья», но праздная поездка не соотносится с идеалами эпохи Просвещения, т.е. травелог должен содержать сведения, применимые на практике. Веком ранее британская путешественница Селия Файнс также совершала путешествие с оздоровительной целью. Однако индивидуальное начало в ее тексте прослеживается гораздо четче, чем в травелог Миллера. Так, в предисловии она пишет: «Мои странствия были начаты, чтобы восстановить здоровье разнообразием занятий и переменой воздуха. <...> Необходимо заметить, что здоровье моего тела не позволяло моему сознанию быть полностью свободным, и после беседы я обдумывала полученные сведения. Если в основном я беседовала свободно и просто, говорила и писала я соответственно моей болезни, так что не ждите изящности в этой книге, хотя какие-то украшения могут встречаться в описаниях, соответствующих изящному вкусу»⁵.

Текст Г.Ф. Миллера, напротив, и не имел цели быть изящным. Миллер – практик. Описания его кратки и точны. По пути он предельно лаконично описывает проезжаемые деревни, отмечая в первую очередь их принадлежность, населенность, особенность устройства, наличие церквей и все, что, по его мнению, может послужить благу Российского государства. Так, проезжая деревню Кусково, он отмечает, что летнее жилище Шереметьевых весьма любопытно «для преизрядных там строений и во оных уборов, для саду, оранжереи, пруда, зверинца и

⁴ См. травелоги Миллера в журнале «Новые ежемесячные сочинения» 1789. Ч. XXXV. С. 69-93; Ч. XLI. С. 3-52; 1790. Ч. XLVI. С. 41-91.

⁵ Fiennes 1888.

проч., что все изчислить нынешнее мое намерение не позволяет»⁶. До детального описания Миллер не доходит в случае, если оно не может, на его взгляд, служить делу общего преуспевания. Он детально описывает «разные фабрики местных жителей», информацию о которых удалось получить. Иногда – давая рекомендации по их улучшению или восхваляя их владельцев. Миллер не дает нам никаких зарисовок местности, но сообщает, что «от Москвы до Коломны везде ровные хлебородные поля, но местами лесом скудно»⁷.

Одним из важных методов работы Миллера является установление происхождения названия упоминаемого места. *Имя служит ключом к прошлому*, т.е. современное ему название выступает как инструмент, содержащий в себе информацию об ушедшем времени. Проезжая деревню Островцы, он пишет: «Имя Островцов отчего, никто изтолковать не мог. Островов на реке в Москве в близости не сказывают»⁸. Интересно, что иногда он выражает сомнение относительно принятых трактовок. Так о происхождении названия речки Коломенки он говорит, что «догадка некоторых, якобы от приезжих италианцов фамилии Колонны, ни на чем не утверждается».

Иногда в травелого встречаются замечания об устройстве природы, Миллер показывает свои естественнонаучные знания, которые на общем фоне смотрятся неуместно. Так, указывая принадлежность и наличествующую церковь в селе Марково, он вдруг сообщает, что «на здешнем берегу Москвы реки находились иногда окаменелые мадрепоры, но ныне оных не видно»⁹ Миллер приводит наблюдение о добыче белого камня: «...верхнего слоя камень крепче нижняго, но разщепляется от воздуха и затем в дело не годен. Он же желтоват и известных частиц в нем мало. <...> Фигурованных и окаменелых вещей в камне не сказывают».

В связи с четкой структурированностью текста некоторые сообщения кажутся необязательными и потому важно обратить на них внимание. Так, посещая Голутвин монастырь Миллер, описав его церкви, указывает, что «к приближающемуся вечеру преосвященный епископ проводил меня в город до моей квартиры и, посидев немного у меня, возвратился в свой загородный дом». Посещая церковь, название, которой не указывается, несмотря на подробные описания прочих церквей, Миллер скупно описывает святыню: «в одной церкви показал (архимандрит Арсений) посох святого Сергия чудотворца, первого основателя сего монастыря. Посох оной из простаго дерева, с деревянным же

⁶ Миллер 1996. С. 57.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Там же. С. 59. Это практически единственное естественнонаучное замечание в московских травелогох Миллера.

прямым поперешником и весь черной». В данном случае Миллер не сомневается в возможности существования такого посоха, что характерно для травелогов, написанных в механистической парадигме, но и, судя по описанию, не придает ему метафизического значения.

Здесь стоит подробнее остановиться на вопросе вхождения локальных мифов в общегосударственный нарратив. Д.Н. Замятин по этому поводу пишет: «В эпоху модерна происходит переход от собственно локальных мифов к мифам транслокальным, или панлокальным, то есть к таким устойчивым нарративам и образам, которые как бы заранее воспринимаются и воображаются в качестве необходимой, неотъемлемой и неотменимой онтологии пространства, “фиксируемого” не только и не столько конкретными мифологическими и легендарными местами, сколько интенсивными коммуникативными стратегиями проникновения, выхода в пространства смежные, пограничные или метагеографические»¹⁰.

Наименования мест играют значительную роль в формировании локальных мифов. Иван Лепехин рассказывает легенду об озере Плавучем под Владимиром, услышанную от местных жителей. Якобы князь Михаил, войдя в город, приказал казнить Кучковича и княгиню, зашить их тела в гробы и бросить в озеро. Далее Лепехин пишет: «Не мое дело испытывать справедливость сей повести. Для меня довольно сказать, что сия повесть во Владимире за истину почитается, и люди думают, что сих утопленников, за их безпримерной знак неблагодарности и злобы, земля не принимает; и так они до сих пор по оному озеру плавают»¹¹. У нас здесь не стоит задача сравнения травелогов Лепехина и Миллера, но в дальнейшем подобная работа позволит детальнее разобраться в характерных особенностях описания пространства-времени данного периода, тем более если учитывать их временную близость (травелог Лепехина писался в 1768 г., за десять лет до путешествия Миллера по окрестностям Москвы).

Описание пространства у Миллера непременно сопряжено с категориями времени. Говоря о постройке в селе Дединове Петром Первым ботика «Деда Российского флота», он пишет: «Толь достопамятные обстоятельства несумненно могут прославить место, которое и, кроме того, по разным причинам внимание заслуживает»¹². Пространство в восприятии Миллера может иметь значение только при наличии «славы». Места, не несущие на себе следов значительных, по мнению Миллера, событий, ограничиваются скудным описанием. В то же время *прошедшие события воспринимаются в контексте настоящего*, нет четкой границы между понятиями «есть» и «было», образы прошлого

¹⁰ Замятин 2014. С. 106.

¹¹ Записки путешествия академика Лепехина... С. 19.

¹² Миллер 1996. С. 61.

накладываются на образы настоящего или, можно сказать, образы времени накладываются на образы пространства, создавая единый молитвенный пласт восприятия.

Не совсем ясна выборка, с которой Миллер описывает отдельные места. Посетив Брусенский девичий и Спасский мужской монастырь, он пишет, что «ничего особенного не приметил и о построении их известия не получил». В то же время про Бобренев монастырь он пишет довольно подробно, указывая, что тот лежит «в приятной равнине между пахотными полями, со всех сторон ввиду на много верст».

Он детально описывает «разные фабрики местных жителей», информацию о которых удалось получить. Иногда – давая рекомендации по их улучшению или восхваляя их владельцев.

Мы почти ничего не узнаем о быте Миллера в путешествии. В лучшем случае, он скупо сообщает, где отобедал и где переменял лошадей, не вдаваясь в дальнейшие подробности. Так, например, он указывает: «7 числа обедали у преосвященного архиерея Феодосия в Подлипках, угощены будучи весьма приятно». Подневная запись путешествия характерна тем, что даже если никаких значимых для путешественника событий не произошло, дата все равно будет зафиксирована. Основное событие седьмого дня – обед у архиерея, о котором кроме приведенной выше цитаты информации нет.

Мир – механизм, в котором от работы каждой детали зависит работа целого, отсюда и отсутствие интереса к бытовым деталям, описанию нравов местных жителей, культурных особенностей. Все подчинено общей цели – благополучию государства, которое воспринимается как механизм, а путешествие как описание деталей этого механизма.

За время путешествий Миллером был составлен ряд описаний, которые не вошли в основные путевые заметки. Подобное разделение «путевых заметок» и травелогов, с одной стороны, и описаний, с другой, характерно и для ранних работ Миллера. Похожая структура встречается и в его описаниях Сибири, где соседствуют путевые очерки и детальные разборы отдельных местностей. То же самое можно сказать и о «Путешествии по Сибири» И.Г. Гмелина, у которого повествование строится в виде путевых записей, где вслед за описанием пути следует описание населенных мест и различных земель.

Несмотря на то, что описание не предполагает наличия героя, иногда авторское «Я» прорывается и дополняет текст важными для автора замечаниями. Так, в описании Коломны наряду с исторической справкой, перечнем разных строений и описанием местного производства и торговли приводится небольшое воспоминание о путешествии: «Когда я был в Коломне, познакомился с одним дюжим, видным мясником, человеком вместе с тем разумным, который носил одежду вполне впопугу бургомистру». Несмотря на положительное впечатление от мясника,

Миллер не может умолчать об одном его недостатке: «Вот только кулинарное искусство между здешними мясниками не практикуется, в то время как в Германии мясники часто бывают и поварами»¹³. Гастрономическая тема то и дело проникает на страницы Миллера, хотя никаких конкретных указаний на то, чем он питался, мы не найдем.

Второго июля 1778 года Миллер отправляется в путешествие, от которого останется травелог «Поездка к Святотроицкому Сергиеву монастырю, в Александрову слободу и Переславль Залесской».

Начинается он с весьма необычной для Миллера фиксации точного времени пути: «Почти час времени прошло, как я от моего дома до конца города ехал»¹⁴. Далее следует описание сел и деревень по устоявшейся схеме – расстояние от предыдущего места, происхождение названия, принадлежность, приносимый доход, наличие церквей.

Подробнее он останавливается на селе Воздвиженском, где царевной Софьей был казнен «старый и, как кажется, невинный князь Хованский» и его сын. Далее следует очень важное замечание, которое стоит проанализировать: «Сие привожу я затем, что места, в коих подобные сей достопамятности случались, заслуживают, чтобы упоминаемы были в землеописании, когда ничего особливаго об них сказать не можно. Таковыми сказаниями землеописание может много способствовать истории и читателям быть приятным. По сей причине упоминаю я при всяком случае о таких происшествиях»¹⁵. Таким образом, во-первых, Миллер считает, что *места, прошлое которых неизвестно, заслуживают только поверхностного описания*. Во-вторых, исторические вставки обогащают текст, делают его многомерным, что идет на пользу и истории, и читателю. В-третьих, читатель будет только рад, если автор добавит в текст больше исторических образов.

В отличие от описаний формат травелога дает автору куда большую свободу, что позволяет Миллеру вставлять критические замечания относительно новой разметки верст или положения крестьян: «могут ли они остаться при владении поправленных ими земель без возвышения оброка, то для сего нужно высочайшее императорское повеление, которым бы обнадежить и обеспечить можно было крестьян...»¹⁶.

Побывав в Святотроицком Сергиевом монастыре и посетив семинарию, Миллер оставил положительные отзывы и об устройстве образовательной части, и о наместнике монастыря: «Сей весьма достойный кроткий и ученый муж может со временем быть украшением высокого российского духовенства». Миллер выделяет приметившихся ему высокопоставленных лиц и фабрикантов, дает им рекомендацию.

¹³ Миллер 1996. С. 71.

¹⁴ Там же. С. 84.

¹⁵ Там же. С. 86.

¹⁶ Там же. С. 88.

Ни одного отрицательного отзыва о ком бы то ни было мы не найдем. Оптика Миллера настроена на улучшение ведения государственных дел, для чего он и выделяет отдельных лиц, хотя и не забывает несколько раз отметить «хороший обеденный стол» наместника.

Как ни странно, описания самого монастыря мы не встретим. Если посмотреть текст Карамзина «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре», опубликованный в «Вестнике Европы» за 1802 г., можно увидеть, как изменяется парадигма описания пространства. Карамзин подробно описывает каждый свой шаг: «Я взъехал на гору Волкушу... Русские Патриоты! это место должно быть вам известно»; «Я стал на вершине горы – и воображение представило глазам моим ряды многочисленного войска под сению распущенных знамен»; «Я обошел сперва вокруг стены монастырской и готических башен ея»¹⁷. Уже по этим строчкам можно увидеть, насколько травелог Карамзина отличен от текста Миллера.

Образы времени накладываются в воображении Н.М. Карамзина на образы пространства, сливаются, становясь доказательством прошедших событий. Миллер вдохновляет читателя на разыскания, *пространство для него есть резервуар, содержащий источники информации о прошлом*. Для Карамзина время и пространство сведены в одно за счет чувства и воображения. Чувствование или трансцендентализм есть метод познания у Лейбница и позднее у Канта. Карамзин в травелог е уходит от механистического описания мира к органистскому. В заключение он пишет: «Таким образом, два дни прошли для меня в исторических воспоминаниях, делающих места и предметы любопытными». Если *эмпирически* воспринимающий пространство Миллер останавливается на наиболее любопытных для него явлениях прошлого и настоящего, те же фабрики и заводы, то Карамзин отмечает их, как не наделенные особым *метафизическим значением*.

Формат травелога позволяет Миллеру делать самые разнообразные замечания: «Удивительно, что на новой генеральной карте Российского государства ни Александровской слободы, ни Святотроицкого монастыря не означено. Сколь много исправлять должно изданныя до сего времени ландкарты!»¹⁸.

Эмпирическое познание для Миллера является первостепенным. Он приводит надпись с усыпальницы при Больничной церкви Александровского монастыря и, анализируя указанные в ней даты, признается, что «надпись не сам списал и, следовательно, числа точно не знаю». То есть *только личный контакт исследователя с источником может служить достаточным основанием для утверждения истин-*

¹⁷ Карамзин 1802. С. 290.

¹⁸ Миллер 1996. С. 93.

ности сделанных выводов. Подобный подход характерен для британских путешественников первой половины XVII века, когда механистическая парадигма только начинала формироваться в трудах Бекона, Декарта. К ним можно отнести хорографов и антиквариев, собиравших редкие материалы о разных регионах Британии. В их травелогах соседствовали географические, естественнонаучные, исторические и лингвистические замечания. То же мы видим и у Миллера, но у него акцент делается на описании места в контексте государства, а не как самостоятельной единицы.

Любовь Миллера к слову, а точнее, к фиксации его значения так же довольно показательна. К примеру, он анализирует значение слова «посадский», указывая, что «всегда были посадские и не в городе живущие»¹⁹. Иногда он уходит от дальнейших рассуждений с помощью фразы: «но сие изыскать в точности предоставляю другому времени».

«Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород» составлено по той же схеме. Дается трактовка названия проезжаемых местечек и деревень, указание на наличие ручьев – «где я не упоминаю о ручьях, там подразумевать должно, что оных нет, и что жители имеют колодези, содержащие по большей части хорошую воду»²⁰, принадлежность места, историческая справка о владельце или достопамятном событии, если таковое было, описание монастырей и церквей. В Можайске он выделяет воеводу, указывая, «что он достоин бы был лучшего звания, ибо здесь не может он в пользу употребить того, чему учился»²¹.

Если Миллеру попадаются на пути бедные городки, вину за это он возлагает на их жителей: «Когда я во время своего пребывания в Можайске удивился худому виду онаго, то говорили мне, что Руза еще хуже. Сие было справедливо. Ружане оправдывают себя тем, что они в разсуждении себя то же самое о Звенигороде утверждают»²².

Происхождение названия города Борисова он относит к Годунову, указывая: «неизвестно только, когда строение онаго заложено. Но поелику царствования его только 7 лет было, то сие и не важно». Миллер здесь допускает историческую погрешность в семь лет, которая не меняет общего положения дел. Однако в «Опыте новой российской истории», как Миллер пишет, «ничего об нем не упомянул».

Пейзажных зарисовок в тексте Миллера нет, эмоции выражены спокойно и кратко: «вид с горы к реке весьма хорош»²³. Роль наблюдателя практически нивелируется. *Пространство существует отдельно от наблюдателя, находящегося как бы вне описываемой реальности.*

¹⁹ Там же. С. 98.

²⁰ Там же. С. 113.

²¹ Там же. С. 118.

²² Там же. С. 124.

²³ Там же. С. 123.

На этом фоне совершенно иначе смотрятся описания Карамзина: «Сев на гнилой церковной паперти, я с удовольствием смотрел вокруг себя и на сельские ландшафты вдаль, думая, что не только люди, образ их жизни и творения, но и самый вид Натуры переменяется со временем». Здесь обратная картина – пейзажа в отрывке нет, зато личность автора, авторское отношение становится частью описываемого пространства.

Одна из особенностей травелога – фиксация процесса создания текста. Часто путешественники указывают, где и при каких обстоятельствах им удастся найти время для редактирования текста. «Восьмого числа июня остался я дома для записки путевых моих примечаний»²⁴, «употребил то время, в которое княгиня еще покоилась, на приведение в порядок примечаний, сделанных мною в моем путешествии»²⁵.

Миллер не только фиксирует в тексте путевые примечания, но и разбавляет его историческими источниками, например, он приводит милостивую грамоту, данную Михаилом Федоровичем жителям Рузы, объясняя это тем, что «обыкновенно таковыя милостивыя грамоты, хотя и ничего важного в себе не заключающия, охотно читают»²⁶. Таким образом, несмотря на сугубо практическую нацеленность травелога, адресат также играет свою роль в структуре текста.

Скорое начало поста заставляет автора вернуться в Москву. «Я еще в Коломне слышал, что в пост ездить нехорошо». Неясно насколько распространено это правило, если Миллер отдельно указывает, где он с ним сталкивается.

Следующий травелог посвящен поездке в Дмитров, которая начинается 11 мая 1779 года. Опять же, как цель поездки, Миллером указывается желание «подкрепить некоторым образом чрез то свое здоровье». Но и познавательный аспект при этом не отбрасывается: «Охота моя полезным быть в землеописании при том не отставала»²⁷.

Описание путешествия ведется точно по той же схеме, что и предыдущие поездки по московским окрестностям. Особое внимание Миллер уделяет фарфоровой фабрике англичанина Франца Гарнера, которой «наипаче любопытство путешественника возбуждено быть может»²⁸. Он подробно описывает устройство фабрики, акцентируя ее значение для российского государства.

Миллер снова вставляет в текст исторический источник – царскую грамоту 1686 года. Подобные вставки делают травелог более энциклопедичным, пространство приобретает через них дополнительный уровень, но не сливается с ним, как в травелогах Карамзина.

²⁴ Там же. С. 62.

²⁵ Там же. С. 127.

²⁶ Там же. С. 124.

²⁷ Там же. С. 153.

²⁸ Там же. С. 160.

Из-за проблем со здоровьем 18 мая Миллеру пришлось вернуться в Москву. На этом его поездки и описания заканчиваются. Травелог Миллера отлично ложится на механистическую научную программу. Мир для Миллера предстает эмпирически познаваемым механизмом. Прошлое создает пространство, оставляя в нем следы, которые требуют от путешественника детальной фиксации и пристального изучения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Замятин Д.Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой. М.: Изд-во «Индрик», 2014.
- Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. Т. 3. СПб., 1821.
- Карамзин Н.И. Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре // Вестник Европы. 1802. № XV-XVI. Август.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. I. – С. 460-461.
- Миллер Г.Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / Подгот. текста, статья С.С. Илизарова. М.: ИИЕТ, 1996.
- Fiennes C. Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary. L.: The Leadenhall Press, 1888.
- Tylor J. Wanderings to See The Wonders of The West. Yerev, 1649.

REFERENCES

- Zamyatin D.N. V poiskah udal'yayushchihsya prostranstv: istoricheskaya geografiya i ontologicheskie modeli voobrazheniya // Kniga kartiny Zemli. Sbornik statej v chest' Iriny Genadijevny Kononovoj. M.: Izd-vo «Indrik», 2014.
- Zapiski puteshestviya akademika Lepekhina // Polnoe sobranie uchenyh puteshestvij v vos'mi tomah. T. 3. SPb., 1821.
- Karamzin N. I. Istoricheskie vospominaniya, vmeste s drugimi zamechaniyami, na puti k Troice i v samom monastyre // Vestnik Evropy. 1802. № XV-XVI. Avgust.
- Miller G.F. Istoriya Sibiri. M.; L., 1937. T. I.
- Miller G.F. Puteshestviya po moskovskoj provincii // Akademik G.F. Miller – pervyj issledovatel' Moskvy i moskovskoj provincii / Podgotovka teksta, stat'ya S.S. Ilizarova. M.: IJET, 1996.
- Fiennes C. Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary. L.: The Leadenhall Press, 1888.
- Tylor J. Wanderings to See The Wonders of The West. Yerev, 1649.

Шпак Георгий Владимирович, аспирант кафедры Теория и история гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ; geo.shpak@gmail.com

Spatial, temporal and cognitive-rhetorical strategies of travelogues by G.F. Miller

The author discusses the representation of spatial and temporal categories in the second half of the 18th c. By comparing texts by G.F. Miller and N.M. Karamzin, the author identifies the change of receptive paradigms in Russia at the end of the 18th c.

Keywords: travelogue, representation of space, representation of time, G.F. Miller

George Shpak, Postgraduate Student, Department of History and Theory of the Humanities, Russian State University for the Humanities; geo.shpak@gmail.com